

"Представить себе жизнь без него еще не могу"

Культура. - 1999г (15) июля 1904 года. Смерть Чехова. Похороны в Камергерском

Вверху: Маня Смирнова с матерью, Еленой Николаевной Бостажко-Смирновой, кузиной Станиславского. Внизу: Чехов в гробу. Справа: Похороны Чехова. Траурная процессия на Кузнецком

1904.11.9. Дорогой дядя Костя!

Прости, что пишу тебе, но мне невыразимо тяжело, и этим тоскливым, гнетущим чувством пустоты я должна поделиться с тобой: ты меня скорей поймешь и лучше других. Эту эту неделю я не могла помыслить; мысль о Чехове не покидала меня ни на одну минуту; слова, которые я прочла в прошлую пятницу вечером в письме Елены Николаевны Павловны est mort, были тяжелым молотом по моему слуху и нервам. Очень было тяжело! А сегодня с утра у меня в голове: "Мы хороним Антона Павловича". И эту фразу я мысленно повторяю себе вновь и вновь.

Толпа, собравшаяся на вокзал, сопровождала носилки с телом и четыре колонны с венками и цветами по всему маршруту следования траурной процессии до Новодевичьего монастыря с отставками, кроме Художественного театра, у Тургенской читальни, у редакции "Русской мысли" и у памятника Пирогову. За гробом шли родные Чехова и Ольги Леонардовны.

В газетном переулочке к ним присоединились два брата писателя, Иван Павлович и Михаил Павлович, мать и сестра — они только что прибыли из Ялты на Курский вокзал. Ольга Леонардовна, печальная, сильно поху-девшая, замерла в объятиях Марии Павловны.

В толпе от Николаевского вокзала до Художественного театра шел Горький. Все взгляды были прикованы к нему. Он был в высоких сапогах, черном пальто с перехватом саади и в какой-то фантастической "поярковой шляпе" — заметил петербургский литератор А.А.Измайлов. Он прибыл в Москву специально на похороны Чехова.

Одет он был в обычную блузу и в широкополую шляпу: ничего андреевского, как описывали, в нем не было, — спорил с Измайловым о Горьком эдак знаменитый с Чеховым маленький писатель С.М.Махалов, писавший в начале века под псевдонимом Разумовский. — С лица он даже похоронен: какое-то оно показало мне худое, бледное, но очень одухотворенное. Это и не по одному моему впечатлению. Махалов заметил в толпе Южина с Эфросом, Сатиана с Дорошевичем "в великолемом ландо", Гиларовского, Липскерова из "Новостройки" и другие лица московских знаменитостей.

Горький, перехватывая любительные взгляды, ловя реплики, брошенные ему вслед, возмущался тем, что он и Шалаяни, она шла, опираясь на Владимира Ивановича Немировича и Гольцеву (редактор журнала "Русская мысль" — Г.Б.), сзади ее поддерживала Элли Ивановна, жена Владимира Леонардовича (брат Ольги Леонардовны — Г.Б.). Больше никого не было из близких Антона Павловича ни на станции, ни у Художественного театра, братья и Мария Павловна, которая совершенно знаменала в своем горе, и тетя Ольга Леонардовна пережили уже в монастыре, а может быть, к "Русской мысли", я там не была.

Тяжело страшно было у Художественного театра, которая так любит его, тяжелой всего! Я невольно вспоминала чествование 17-го января! Как перед этим днем перед милым театром стояла огромная, бушующая, вешая, нетерпеливая толпа, чтобы добиться билетов; я с утра радостно волновалась в этот день, и вечером, во время чествования, мне было грустно до дна похороны Чехова у Художественного театра, пришла ему в Конкретовский Маня Смирнова. Письмо племянницы еще раз заставило Станиславского мысленно проводить Чехова в последний путь и еще раз плакать. Это письмо сохранилось в его домашнем архиве.

эти ласки разлиты вокруг его Могилы; вам становится тепло, хорошо, дух его живет в вас, вокруг вас... Вы чувствуете его ласкающий, милосердный, грустный, вопрошающий взгляд! Взгляд, который меня преследует теперь, который шевелит и заставляет болеть мое сердце. Так бы и сидела, и молилась на дорогой могиле, и не ушла бы отсюда! А приходится расставаться.

"Что же делать, надо жить!" — приходит невольно на ум. (...) А Ольга Леонардовна и на сороковой день в Москву не приехала. Впрочем, и она не верила, что Антона Павловича нет. Все писала и писала ему письма, когда вернулась в Москву, как будто он жил в Ялте.

Маня подробно описала Ольге Леонардовне, изживая в письмах свою боль, как проходили сороковины на кладбище Новодевичьего монастыря. (...) Сегодня в монастыре все было очень хорошо, тихо, чинно, не то что на похоронах! Народу было много, но никакой давки, толкотни. Почти все художественники (большей частью младший персонал) с дядей Костей по главе были; и приехали все рано, в начале и в половине обеда. Я вынула заупокойную (вот еще к чему я не могу привыкнуть и что меня расстраивает каждый раз) просфорочку и мысленно разделила ее с Вами. После обеда всем роздали свечи и мы пошли на могилу; там было уже много народу, так что пришлось после обеда далеко стоять. После панихиды (очень хорошо пели монахи, и за обедней торж) все по очереди подходило поклониться могиле. (...) У Манин дядя Костя все три месяца, что прошли со дня приезда Чехова в Баденвейлер — до открытия седьмого сезона Художественного театра, первого без Чехова, — мысленно не расставался с ним. Чехов преследовал его беспрестанно, как и Маня. Только в сентябре, проводя генеральную репетицию "Метерлинковского спектакля", начатого еще при Чехове и с его благословения, Станиславский преодолел свой "неудух" — свой нервный кризис, совпавший с творческим, с тулипком театра на чеховских путях. Он всегда, с гимназических лет, впадал в "неудух" перед очередной полосой "блужданий", и только в творчестве — в отличие от Маня, которой творчества не дал Бог, — он мог его изжить.

Этот "неудух" он изживал на Метерлинке. Переживая смерть Чехова, Станиславский остро, на себе почувствовал не символизм, а реальность "Слепых" Метерлинка. Горькие личные наблюдения входили в ткань спектакля. Беспомощные метерлинковские слезы, оставшиеся без духовного наставника, как художественники — без Чехова, сидели, столбенели, обмившись в группы, не шлохнувшись, заброшенные и потерянные, раздавленные страшной вестью, как Станиславский, его близкие, его друзья и коллеги в жуткий вечер 2 июля 1904 года, когда они получили известие из Баденвейлера. "Весь вечер мы, только прижавшись к друг другу, сидели, боясь разойтись, и говорили, чтобы не молчать и не плакать. Я и жена потеряли близкого родственника", — писал Станиславский 3 июля 1904 года Ольге Леонардовне в письме, которое намеревался оставить ей на границе в Бресте по пути из Москвы в Конкретовский.

За поэзией Метерлинка высветилась живая жизнь, и диалогические поэмы Метерлинка обратились в психологический диалог, основанный на личных переживаниях. Попа в материальную жизнь собственной, стоявшей за пьесой, Станиславский попал в свой гений.

"Метерлинковский спектакль" был поставлен в эстетике чехов-

ших спектаклей МХТ, несмотря на балымонтовский перевод и музыку, транспонировавшую его в программно-симфоническое произведение с драматическими артистами. Метерлинковским триптихом Станиславский прощались с Чеховым и с его драматической прозой. Этот спектакль стал рубежом мирового, чеховского этапа в жизни Художественного театра, войдя в историю драматического искусства как ответ Станиславского на смерть Чехова, как реквием драматургу и другу.

Публика на "Метерлинковском спектакле" шикала. Кугель, Эфрос, Брюсов, другие критики были разной в отношении к МХТ ориентации, посмотрев премьеру, делали вывод о принципиальной невозможности Метерлинка в театре.

Станиславский и сам сознавал постановку Метерлинка как неудачу в освоении театром символистской поэзии. А постановная публика Художественного театра откликнулась Чехову в Метерлинке Станиславского. Среди тех, кто поддержал Станиславского, было, конечно, Маня Смирнова. В ночь после премьеры, переполненная впечатлениями от происшедшего по обе стороны рамп, она писала дяде Косте. Это был год из зрительного зала, воспоминания по пьесам Чехова:

1904 г. X. 2/3. Дядя Костя, дорогой мой! Что же это? Художественный открылся, а Антона Павловича нет... Я не могу примириться с этой мыслью! Невыразимо тяжело на душе. Как раз передо мной сидел Иван Павлович, когда я его увидела и он с нами заговорил, часть спектакля утратила своей интерес. Я в первый же антракт увидела Ольгу Леонардовну издали в ложе Владимира Ивановича и, конечно, не могла удержаться, чтобы не по-дойти к ней.

Я ее в первый раз видела, и сердце прямо рвалось от тоски! Пьесы невольно напомнили мне его же Чехова, так в "Феррошневой" я восприняла все эти тени, вилы косы, приход Смерти, одним словом, при другой обстановке, в далекой стране чужой, в Баденвейлере. И пьесы то такие трагичные, и во всех трех Смерть, Смерть, Смерть, как будто мы Его хороним. Меня совсем заперло в театре; такое сильное, мрачное впечатление, какая-то гнетущая тяжесть без единой слезы; даже хочется разговаривать, чтобы забыть. На обратном пути домой я уже не могла удержать слез; плакала всю дорогу. И сейчас — начала раздвигаться, причисляясь, но ежeminутно должна была садиться без действия, потому что слезы меня всю трясли.

Ты понимаешь — нет духа Антона Павловича в театре! Сироты вы стали, и Боже, как это чувствуется, или, по крайней мере, как это сильно почувствовалась.

Какая отвратительная публика! Деревянная какая-то. Что значит эти хлопки жидкие, прерываемые шиканьем? Тетя Юноша говорит, что в Художественном нельзя хлопать сразу, такое сильное впечатление. Я с ней вполне согласна; но нельзя и шикать сразу! Вообще находишься так далеко от действительности, что нельзя никаких признаков жизни издавать. Но раз есть люди, которые могут аплодировать, зачем останавливать их! Так это все противно, глупо, неприятно!

А завтра "Вишневый сад", его лебедина песнь... Как вы можете играть? Особенно Ольга Леонардовна. Я бы не могла! Еще скорей "Дядю Ваню", "Чайку", но ведь с поэзией "Вишневый сад" связаны все последние впечатления, все репетиции с Антоном Павловичем. Ты очень занят, милый дядя, я не должна была писать тебе, но должна же вылить свою ду-

шу, свою тоску кому-нибудь! Ольге Леонардовне боюсь писать перед самым "Вишневый садом". А после нее моя мысль остановилась только на тебе; мне кажется, ты лучше и глубже других поймешь, что я чувствую.

Завтра, конечно, буду на "Вишневый сад"; как-то пройдет! Боюсь за Чехова. И зачем вы "Иванова" не пригласили на открытие? Лучше было бы.

Дядя Костя, голубчик, ты меня пропусти на "Иванова" на генеральную; а то, если я распахнусь на первом представлении, это будет не совсем приятно.

Дай вам Бог успеха, полного, заслуженного. Пойду завтра к обедне и буду горячо, горячо молиться за вас, — ну же! Бог не услышит мою молитву? Целую. Господь с вами.

Твоя Маня Конечно, Маня была и на "Вишневый сад", и на "Иванове", и конечно, писала Ольге Леонардовне. И в июле 1905-го, в первую годовщину смерти Чехова, была на могиле. И тоже писала, только не Ольге Леонардовне — она путешествовала по Скандинавии, а Марии Павловне, сестре писателя.

(...) Мне так грустно, так тихо, томительно грустно! Нет той острой боли, которая в прошлом году 2-го июля мне разала сердце, как ножом, заставила меня проплакать почти навзрыд всю ночь, нет, я теперь даже не могу плакать... Какая-то тихая тоска, томительная грусть легла на меня... как будто не большая грозовая туча находит, а все небо заволакивается серой пеленой, и начинает моросить, устанавливается ненастье. Сейчас я долго гуляла одна и все время думала об Антоне Павловиче. Под конец я так настроила свое воображение, что в широкие деревья буд-то слышалась его голос — такой тихий, глубокий, немного глухой и такой задушевный, задушевный! Но увидеть его я не могла! Как ни оборачивалась, как ни всматривалась в темноту деревьев. Минутами у меня являлись дикие мысли — упасть, вывихнуть себе ногу, чтобы физической болью заглушить нравственную. (...) Народу было немного, даже ма-ло, особенно в сравнении с похоронами Антона Павловича. А главное, кроме Гольцевы, ни одного знакомого лица. Мне так стало обидно и больно, что я до сих пор зля! Мне бы хотелось, чтобы были тысячи людей, чтобы все плакали, чтобы люди эти были благородные, хорошие... Мы сперва пошли поклониться могиле — она такая свежая, засажена чудными цветами, особенно белые лилии хорошо подходят к Антону Павловичу, и гвоздик много. Свезда ему больше шло! Васильков тарасовских, но пришлось его устроить на памятник Вашему отцу; жаль было мать цветы на Антона Павловича могиле.

Обедню служили в большой красной церкви; очень симпатичный батюшка, служил хорошо, и пели очень хорошо, стройно. Вынули просфорочку за Антона Павловича, а после обеда заказали панихиду и пошли на могилу. Публика была ужасно какая-то пошлая; хотя большинство учащейся молодежи, но не то! (...) Смотрят, как на диких зверей, невозможно молиться! И потом — божественная тишина и спокойствие, которое всегда царит на Антона Павловича могиле, было нарушено этой постройкой толпой. Мне хотелось спрятаться от них и быть там невидимкой, одним только сердцем. Когда я сравниваю эту панихиду — публичную — с теми скромными литиями, которые я иногда зимой, весной служила в будни одна на этой дорогой могиле... я тогда молилась горячо, я чувствовала, что дух Антона Павловича витает около меня, что он, милый, знает, слышит мою молитву. Надеюсь, что в 2 часа будет очень много народу, не сможет быть мало! Мне жаль не стали... У меня темно на душе, да и тоска не светлая. (...) Нет, на душе ее погасло "светло!" Особенно в Тарасове, как радом с Любимовкой, в радостях летней подмосковной жизни, отлаженной дедом и родителями. "Купаюсь, как никогда, запоем! Верховая езда, теннис, прогулки, лошадь, велосипед", — писала Маня Ольге Леонардовне. А на дороге, что вел из усадьбы Любимовка к железнодорожному мосту и в город, откуда пред очи растерянный Раневская, Гаеву, Лопахину, Варю, Пете и Ане мог предстать грозный Прохоржий, их наугавший, Маня встречала Мейерхольда и молодых артистов филиального отделения Художественного театра — Студии на Поварской. Дядя Костя профинансировал и открыл ее весной, а летом студийцы поселились в Пушкине, где репетировали пьесы Метерлинка, Пшибышевского, Гауптмана. Они осваивали символистскую драму, как когда-то, перед открытием Художественного, осваивали чеховскую "Чайку".

Круг замыкался. Чеховский период в жизни Художественного театра, его основателей и его верных зрителей был завершён. Он отделился в прошлое, оставаясь восточным восток, оставаясь восточным восток, оставаясь восточным восток с автором "Чайки", "Дядю Ваню", "Трёх сестёр" и "Вишневый сад".

Галина БРОДСКАЯ